
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА. КОММЕНТАРИИ

Питулько В. В.

СТРЕЛЫ НА ГЛОБУСЕ

Знакомый Максима Петр любил рассуждать в том смысле, что человеку все доступно и прочее. Максим, хмуро прослушав эти рассуждения, подобно баснописцу Эзопу, молвил: «Тогда выпей из дуршлага!» — и, хлопнув дверью, вышел.

В. Шинкарев.

Максим и Федор. Вещь в трех частях
(Ленинград, 1986)

В продолжение дискуссии о североатлантическом пути заселения Нового Света (гипотеза Стэнфорда — Брэдли, обсуждавшаяся в стартовом выпуске РАЕ за 2011 г.) А. В. Табарев, как и обещал, представил собственные рассуждения о возможном, с его точки зрения, маршруте. Уже тогда можно было предвидеть, что речь пойдет о мореплавании с другой стороны континента, а именно через просторы Тихого океана.

Нелюбовь наших американских коллег к хождению пешком понятна — они давно и прочно всей нацией пересели на автомобиль и во всех случаях предпочитают ехать (все равно на чем, пусть и на лодке), но не ходить. Наши же люди, как известно, «в булочную на такси не ездят». Так чем же не угодил Берингийский мост суши А. В. Табареву? Отличная была дорога, даже рек больших пересекать было не нужно (в зоне нынешнего пролива, во всяком случае), широкая и удобная...

Прежде всего, должен отметить, что высказанный в мой адрес упрек в недооценке практического значения реконструкции технологий обработки камня (Табарев 2011: 54) в плане постижения сущности культурно-исторических процессов мною абсолютно не заслужен. Я не называл технологию обработки камня ни «мелочью», ни «частностью». В своем комментарии (Питулько 2011а: 41–42) я говорил о стремлении отдельных исследователей палеолита к фетишизации данного предмета, что, безусловно, неправильно и неизбежно приводит к конструированию надуманных гипотез. Внешние управляющие и/или лимитирующие факторы (чаще всего природно-климатические, экологические) могут вести к конвергенции не только в формообразовании (Arutyunov,

Sergeev 1972; Banks et al. 2008, 2009), но и в технологиях, которые реализуются по принципу достаточной необходимости.

В гипотезе А. В. Табарева нам предлагается римейк хорошо известных взглядов о северотихоокеанском (прибрежном) пути проникновения человека в Новый Свет (обзор этой и других гипотез заселения Нового Света см., например, в Dillehay 2009). Приступая к своему обзору, А. В. Табарев заранее предупреждает возможных оппонентов о том, что он воздерживается от обсуждения палеогеографических данных, ограничиваясь исключительно интерпретацией археологических материалов. На мой взгляд, это принципиально неверно, поскольку рассмотренные в отрыве от палеогеографии, геологии и тафономии культурных остатков сведения практически гарантированно приводят к созданию искусственных гипотез, мифотворчеству. Отмечу попутно, что все основные положения обзора А. В. Табарева можно найти также в работе Эрландсона и Брайдж (Erlandson, Braje 2011), за исключением рассуждений о кладах бифасов или просто кладах, как важном, в понимании А. В. Табарева, культурном элементе, способном выступить в качестве объединяющего на пространстве от Сибири до Нового Света.

В развернутом виде идея о прибрежной северотихоокеанской миграции впервые была представлена Фладмарком (Fladmark 1979). Как справедливо указывает А. В. Табарев, и до Фладмарка подобные взгляды излагались различными учеными, в том числе отечественными, а мысль о заселении Нового Света аборигенами Сибири впервые была высказана еще в XVI столетии одним францисканским монахом.

Следует отметить, что с той далекой уже поры лучше не стало — выявленных позднеплейстоценовых археологических объектов на Северо-Востоке России за последние 40–50 лет не прибавилось, несмотря на поиски, предпринятые Н. Н. Диковым (1993) в районе, ближайшем к современному проливу Беринга. Скорее, их число убавилось вследствие передатирования древних горизонтов Ушковских стоянок (Goebel et al. 2003). Сама идея быстрого освоения территории путем прохождения через безледный коридор между кордильерским и лаврентийским щитами в момент его вскрытия подтверждений до сих пор также практически не получила, поскольку «заледниковый» кловис оказался древнее «коридорного».

В порядке поиска разумной альтернативы Фладмарком на основании результатов работ на о-вах Королевы Шарлотты, где были найдены раннеголоценовые памятники, и была оформлена мысль о возникновении на севере Тихоокеанского региона ранних форм морской адаптации, которые якобы и позволили людям заселить Американский континент в обход ледникового щита. Эти острова в Британской Колумбии (Канада), на которых открыто довольно большое количество важных материалов (Carson, Vona 1996), фигурируют и в тексте А. В. Табарева, однако под политкорректно-туземным именем Haida Gwaii. На мой взгляд, лучше придерживаться официальных названий, нанесенных на географические карты мира, а то мы так скоро и Тихий океан будем именовать Большой Соленой водой.

Приступая к рассмотрению прибрежно-морской гипотезы заселения Нового света, А. В. Табарев сгруппировал возможные возражения оппонентов следующим образом: (1) ледниковые щиты полностью покрывали побережье

практически до конца плейстоцена и делали такой путь невозможным; (2) подъем уровня Мирового океана в послеледниковую эпоху привел к затоплению обширной прибрежной полосы, поэтому все археологические следы ранних миграций безвозвратно утеряны; (3) для доказательства прибрежной миграции нужны, в первую очередь, веские свидетельства использования водного транспорта. Я бы добавил сюда же и возможную мотивацию, а также вопрос о наличии ресурсов, которыми предполагалось пользоваться по пути следования.

Первое и второе возражения можно спокойно проигнорировать, поскольку одно из них носит гадательный характер, а другое недоступно проверке никаким научным способом. Возможно, там действительно оказались затоплены какие-то археологические объекты. А может быть, нет. Дегляциация прибрежной зоны действительно должна была проявиться ранее, чем открытие безледного коридора между кордильерским и лаврентийским ледниками, об этом нам со ссылкой на участников совещания по проблемам происхождения палеоамериканцев сообщает и А. В. Табарев, заостряя внимание на том, что 14 000–13 500 л. н. в прибрежной зоне было достаточно территорий, полностью или частично свободных ото льда и обладавших акватическими ресурсами, доступными для освоения. Все это так, но только уровень океана на тот момент был где-то между –120 и –50 м (Erlandson, Braje 2011) относительно его современного положения, поэтому трудно себе представить, что там происходило, в особенности в плане ресурсов, т. е. рассуждения на эту тему — чистая спекуляция.

Однако стоит заметить, что в работе (Fedje et al. 2004) приведена сравнительная характеристика палеонтологических находок из разрезов рыхлых отложений побережья Британской Колумбии и прилежащих к ней островов. Ее авторы отмечают, что известно, на самом деле, немного. Сводка, представленная в (Fedje et al. 2004: table 4.1), достаточно наглядна, и говорит она о том, что в последнюю ледниковую эпоху там действительно были представлены морские млекопитающие (насколько они были многочисленны, это другой вопрос, но были там, видимо, и другие акватические ресурсы, отвечающие трофической цепочке). К началу же послеледникового времени они исчезают и появляются вновь на рубеже голоцена, что и понятно — жить в условиях быстро меняющейся батиметрической схемы было неудобно. Весьма характерно, что ровно в этот момент там появляются и люди, занятые использованием этих ресурсов.

Все это, на самом деле, не имеет вообще никакого значения, поскольку жить возле ледника можно. Люди живут возле него на Аляске и в других частях света, живут вблизи Гренландского щита, с тех пор как попали туда около 4000 л. н. (Grønpow 2003), добывают разнообразных морских и наземных млекопитающих и чувствуют себя вполне уверенно в этой среде обитания. Однако путешествовать вдоль ледника на протяжении сотен миль, наверное, было все же не очень удобно, почти как через Северную Атлантику. Главная же проблема состоит в том, что достаточно древние следы, связанные с этим гипотетическим расселением/обитанием в прибрежной зоне юго-восточной Аляски, в Британской Колумбии (в том числе на о-вах Королевы Шарлотты) и далее на юг, включая Калифорнию, полностью отсутствуют.

Древнейшие археологические объекты в этих местах имеют возраст не древнее 10 900 радиоуглеродных лет (при этом наиболее древними являются калифорнийские даты), датировки из Британской Колумбии и из аляскинских памятников несколько моложе, либо, в крайнем случае, такие же, их хорошая сводка приведена в (Слободин 2011). Это и есть та самая причина, по которой взгляды Фладмарка (1979) серьезного внимания к себе не привлекли. Реанимация этой идеи, в основном усилиями Эрландсона и соавторов (Erlandson, Braje 2010; Erlandson et al. 2011 и др.), связана с некоторым приращением данных по прибрежным стоянкам, с одной стороны, и с отсутствием настойчиво требуемых свидетельств связи ранних американских памятников с сибирскими, с другой. Таковых пока, к сожалению, действительно нет, но о палеолите Северо-Востока России и вообще известно пока немного (Питулько, Павлова 2010).

Тем не менее очевидно, что производство микропластинок, реализованное в технологии клиновидного расщепления, становится известно в Восточной Берингии к рубежу голоцена (Питулько 2010а; Pitulko, Nikolskiy 2012). Всякое перемещение в зоне нынешнего пролива Беринга было возможно об ту пору исключительно посуху. Вероятно, имело место широтное перераспределение населения между западной и восточной частями Берингии, на что, возможно, указывают наконечники Чиндадн, известные на Аляске и в Берелехе, в низовьях Индигирки (Питулько 2011б). Это предположение не бесспорно, но до некоторой степени поддерживается сведениями о геноме Берелехской популяции мамонтов — он более чем на 50 % североамериканский, так что по крайней мере берингийская и североамериканская популяции мамонтов около 12 500 л. н. активно обменивались группами своих представителей (Debruyne et al. 2008). Можно полагать, что этот обмен протекал особенно интенсивно в эпоху окончательного распада моста суши, связывавшего Евразию с Американским континентом. Так что какие-то свидетельства о пешеходном пути между этими частями света и, самое главное, о пользовании ими людьми и животными в самом конце плейстоцена все-таки существуют, в отличие от свидетельств арктического и субарктического мореплавания в ту же эпоху.

Таким образом, сколько бы ни было открыто объектов рубежа голоцена в Британской Колумбии и Калифорнии, это не дает нам ответа на вопрос, было ли там хоть что-нибудь 12, 13, или 15 тысяч л. н. Между тем, в это время в Новом Свете в заледниковой области было полно не только кловиса (Waters, Stafford 2007), но и пре-кловиса (Gilbert et al. 2008; Lowery et al. 2010; Waters et al. 2011), по этой причине вопрос о том, мог ли он там появиться в результате прибрежной миграции, смысла на данный момент не имеет. Эти памятники представлены достаточно широко, от Орегона на западе (Gilbert et al. 2008) до Техаса (Waters et al. 2011), Пенсильвании (Adovasio, Pedler 2004) и Дэлавэра (Lowery et al. 2010). Совокупность этих данных, как пишет Уотерс с соавторами (Waters et al. 2011), позволяет оценивать время существования наиболее ранних (из ныне известных) североамериканских памятников ~15 000 л. н. или на несколько тысяч лет ранее. В восприятии древнего возраста южноамериканских объектов до сих пор преобладает агрессивное непризнание, однако его смена на объективный подход, скорее всего, вопрос времени.

Весьма интересно, что сами по себе датировки кловис (безотносительно наличия-отсутствия, признания-отрицания докловисских материалов) вполне

однозначно говорят о наличии какого-то общего корня. Картографирование датированных по углероду материалов, выполненное Бек и Джонсом (Beck, Jones 2010), позволяет локализовать источник на юго-востоке США. Это своего рода горизонтальная стратиграфия, показывающая направления движения носителей культуры кловис в северо-восточном и северо-западном направлениях, в результате чего происходит их проникновение в зону коридора (по мере его открытия). Этот сценарий автоматически предполагает пребывание исходного центра в заледниковой области, т. е. попадание туда людей до ледникового максимума, в любом случае ранее 15 000 л. н.

Перемещения группировок носителей культуры кловис в послеледниковую эпоху были вызваны как общими природно-климатическими изменениями, так и смещением в северо-западном и северо-восточном направлениях границ ареалов мегафауны. Подобный механизм был продемонстрирован недавно на основании анализа рядов радиоуглеродных датировок костных остатков мамонтов и их пространственного распространения для Северо-Востока Азии (Питулько 2010а; Nikolskiy et al. 2011; Pitulko, Nikolskiy 2012).

Вопреки распространённому мнению, пересечение линии судьбы североамериканской мегафауны с путем охотников кловис не стало фатальным для ряда видов мегафауны и на североамериканском континенте. На основании анализа данных о пространственно-временном распространении спор *Sporormiella* (грибок, жизнедеятельность подвидов которого связана с пометом крупных травоядных) недавно было показано, что представители мегафауны благополучно пережили время «контакта» с людьми кловис (Gill et al. 2009). Как интересный факт следует отметить увеличение интенсивности пожаров, предшествующее появлению в тех же районах археологически видимых датированных следов палеоиндейцев (*ibid.*). Об относительно долговременном, не вписывающемся в концепцию *blitzkrieg overkill* сосуществовании мегафауны и человека в Новом Свете говорят результаты изучения образцов рассеянного ДНК мегафауны из многолетнемерзлых отложений центральной Аляски, где для мамонта и лошади установлен период обитания до ~10 500 л. н. как минимум (Haile et al. 2009). Более того, имеются и прямые свидетельства существования отдельных представителей мегафауны в голоцене (Woodman, Athfield 2009). Чрезвычайно интересно вспомнить, в связи с рассуждениями о прибрежном пути заселения Нового Света, что речь идет в том числе об островной популяции мамонта на о-вах Прибылова (Veltre et al. 2008), благополучно дожившей до середины голоцена, несмотря на то что она оказалась на пути людских групп, движущихся вдоль побережья и доведенных превратностями судьбы до необходимости освоения морских ресурсов субарктического океана.

Двигаясь со скоростью 1 км в день, за год можно преодолеть 365 км, т. е. 365 000 км за 1 (одну) тысячу лет, что равносильно примерно 9 длинам окружности планеты Земля по экватору, посему любое расселение/миграция может осуществиться в масштабе геологического времени мгновенно. Похожими соображениями были обоснованы рассуждения Келли (Келли 1997) о скорости расселения человека в Новом Свете по «короткой» (и даже кратчайшей) хронологии. На практике это возможно, однако, исключительно в случае осуществления процесса по сценарию Drang nah Osten, который часто применяется в отношении колонизации человеком американского суперконтинента. Сидели

себе люди в Японии, осваивали акваторические ресурсы, и однажды, 13 000 л. н., спозаранок, наконец, отправились — сначала на Сахалин и Курилы, далее на Камчатский п-ов, ну а потом сами понимаете куда. На практике этого не было и быть не могло, поскольку до первых подобных сценариев (в которых неизбежно присутствует военно-политическая составляющая) еще надо было дожить — не родились тогда еще ни Александр, ни Чингиз-хан, ни Гитлер.

Время 14 000–13 000 л. н. необыкновенно важно во всех построениях, поскольку, как представляется сторонникам прибрежно-морских путей заселения Нового Света, как раз тогда и было возможно перемещение вдоль берегов северо-запада Америки, где уже совершилась, частично или полностью, дегляциация, а «коридор» еще был закрыт ледником. Той же оценкой возраста часто оперируют исследователи (Gilbert et al. 2008 и др.), пытающиеся оценить время заселения Нового Света на основании данных популяционной генетики (см., например, обзор в Goebel et al. 2008). Необходимо заметить, что выводы, делаемые генетиками, весьма разнообразны и переменчивы, но, несмотря на это, данный процесс уверенно увязывается исследователями с центрально-азиатским (не с тихоокеанско-береговым) населением. Лично я полагаю также, что методы популяционной генетики, использующие данные о геноме современных человеческих популяций, не обладают достаточной разрешающей способностью для получения исчерпывающей информации, однако, как показано Ю. Е. Березкиным, для американского суперконтинента имеется по крайней мере возможность сравнивать их с данными лингвистики и фольклора, что, видимо, указывает на относительную достоверность картины, полученной для последних 12 000–10 000 л. н. (Березкин 2007).

Следует подчеркнуть, что представления о достоверности данных, полученных на основании генетических расчетов, сильно преувеличены. Ключевое слово здесь — «расчеты». Вычисления времени мутаций, дешифрируемых по ДНК современных индивидов, основаны на ряде допущений, т. е. являются моделью. Ни одна модель никогда не выдаст тех результатов, которые не хотел бы получить ее автор, будь то калибровочная кривая для радиоуглеродных датировок, гренландский ледниковый керн или мутации ДНК. В зависимости от того, какие допущения приняты, а какие отклонены, будут получены соответствующие цифры. Эти цифры часто принимаются за факты (в особенности археологами), что неверно. Датированный археологический материал представляет собою научный факт, а вот время заселения Нового Света по «молекулярным часам» — вывод, обоснованность которого может быть оспорена.

Продолжая разговор о цифрах, предлагаемых на основании расчета показаний «молекулярных часов» для оценки момента изначальной миграции человека в Новый Свет, невозможно не вспомнить о предположениях, также выдвинутых на основании изучения генетических данных по популяциям Сибири и Америки. Была предложена модель (Torrioni et al. 1992 и др.; Schurr 2004), в которой рассматривается и возможность относительно ранней доледниковой миграции, ~30 000 л. н. Эта возможность существует и равноправна по отношению к выводам, на основании которых говорят об одномоментной поздней (после 15 000 л. н.) миграции. Стоит сказать здесь, что существуют взгляды о единой ранней миграции в Новый Свет (Bonnato, Salzano 1997). Следовательно, выбор одной из таких моделей/концепций, наиболее удобной, является

нечестным ходом, передергиванием фактов. Между тем, понимание процесса как сложного, с участием нескольких миграционных волн, наиболее адекватно имеющимся археологическим данным и иным фактам, которые могут быть привлечены для решения проблемы первоначального заселения Нового Света.

Результаты, получаемые в ходе молекулярно-генетических исследований, могут быть до известной степени проконтролированы. Большое значение в этом плане имеет анализ палеоантропологических находок. К сожалению, вследствие принятия в США политкорректных, но обскурантистских законов (National Grave Protection And Repatriation Act) для изучения доступны в основном центрально- и южноамериканские серии. Недавно на основе их анализа были получены выводы, подтверждающие предположения сторонников двух одновременных миграционных волн (Hubbe et al 2010). Прибрежно-морская гипотеза в этом контексте вряд ли уместна.

Сторонники этой гипотезы большое значение придают черешковым наконечникам, известным по побережьям Тихого океана от Японии до Чили. Общего между ними только то, что они черешковые и, видимо, это отражает какую-то технологическую необходимость, так или иначе связанную с прибрежно-морским способом деятельности, скорее всего со стратегией охоты или техническими приемами промысла. Я не берусь комментировать причины, побуждающие ряд исследователей рассматривать их как свидетельство трансляции некоего общего культурного признака от Японских о-вов к мысу Горн. Утешительным для них в этом смысле является мнение Пауэрса (Powers 1996) об аномальности этих предметов для палеолита Северо-Востока Азии, что дает повод толковать их как привнесенный комплекс, оставленный на пути из японцев в чилийцы вокруг Большой Соленой воды.

Со своей стороны, замечу, что оснований для суждений о «норме» и «аномалии» в позднем палеолите Северо-Востока не имеется, поскольку фактически нет и данных о нем самом, за исключением фрагментов информации, известных в основном из тех же ушковских стоянок. Напомню также, что Ю. А. Мочанов (1977), например, вообще отказывает ушковским черешковым наконечникам в праве на существование в качестве атрибута финально-палеолитической культуры, объявляя их появление в комплексе результатом нераспознанных при раскопках постдепозиционных процессов (внедрение по морозобойным трещинам из вышележащих неолитических слоев — а там, как и в иных памятниках неолита Северо-Востока, черешковые формы являются вполне рядовым фактом, это верно). Так что можно верить Пауэрсу и находить на Камчатке связку между японскими и американскими находками, можно верить Мочанову и связки этой не видеть — дело вкуса. Для меня факт принадлежности черешковых метательных острий к комплексу VII слоя Ушков несомненен, однако я не считаю правильным рассматривать его в качестве свидетельства связей между Северо-Востоком и Новым Светом.

Сторонниками гипотезы прибрежно-морского заселения Нового Света небольшое внимание уделяется вопросу об овладении человеком навыками мореплавания и раннему (дземон) зарождению форм морской адаптации на Японских о-вах. Человек действительно довольно рано научился пересекать более или менее протяженные водные пространства (в основном, проливы), о чем говорят данные о колонизации Австралии и островов Юго-Восточной Азии

50 000–40 000 л. н. (Девидсон 1997; Erlandson 2002: table 1). Однако сам факт наличия на этих островах следов пребывания человека не говорит ровно ничего о том, каким способом люди туда попали, следовательно, мореплавание в раннем верхнем палеолите (а также в среднем и на большей части позднего) является домыслом.

Море там теплое, и пересекать те проливы можно хоть на плоту, хоть на бревне, а то и вовсе вплавь — главное, чтобы акулы не съели, или морские крокодилы на подступах к Австралии. Острова, вдобавок ко всему, возвышенные — это позволяет заранее получить представление о направлении движения и хотя бы приблизительно оценить дистанцию (дальность наблюдения на ровной поверхности, т. е. в океане, составляет 9 морских миль, это примерно 17 км — дальше земля закругляется, соответственно подъем точки наблюдения хотя бы на первые десятки метров существенно расширяет горизонт). Сбор моллюсков и прочих даров моря на прибрежном мелководье неизбежен, но это еще не повод, чтобы трактовать данные свидетельства как явную морскую адаптацию.

Любопытно, что именно такому «морскому» народу ставилось в вину быстрое, в течение буквально 1000 лет, уничтожение мегафауны в Австралии, однако впоследствии выяснилось, что дело, как обычно, в недостатке данных, поскольку люди и мегафауна сосуществовали там примерно 15 000 лет с момента первого контакта, а вымирание связано с глобальными изменениями климата (Trueman et al. 2005). На протяжении тысячелетий повсеместно — в Европе, Азии, Африке и Австралии — люди занимались сбором «даров моря», и этот вид деятельности был известен еще в нижнем палеолите, а вот морская адаптация в том виде, в котором ее можно разглядеть без увеличительного стекла, появляется в на рубеже голоцена и позже, и лишь в редчайших случаях — раньше (см., например: Bicho, Haws 2008; Colonese et al. 2011; Gutiérrez-Zugasti 2011; Mannino et al. 2011; кстати, во всех этих исследованиях отмечается интенсификация использования морских ресурсов на рубеже голоцена).

В качестве свидетельства дальних перемещений людских групп (в частности, в районе Японских о-вов, Сахалина, Нижнего Амура) часто упоминают (Erlandson, Baje 2011 и др., см. также статью А. В. Табарева) сведения о дальнем транспорте обсидиана, выявленного на основе анализа химического состава сырья (Kuzmin, Glascock 2007; Kuzmin et al. 2008; Kuzmin 2010; Glascock et al. 2011). Речь идет о дистанциях в 1000 км и более. Однако факт обнаружения обсидиана из одного источника в пунктах, удаленных друг от друга на 800–1000 км, можно объяснить по-разному — способ перемещения неизвестен. Понятно, что каким-то образом водные преграды преодолевались, но обосновывать этими фактами тысячекилометровые путешествия не стоит, поскольку не запрещена последовательная передача материала из рук в руки, например, по причине его престижности.

На Северо-Востоке Азии свидетельства раннего освоения морских ресурсов отсутствуют, наиболее древние имеют возраст 4000–3000 л. н., а в зрелом виде традиция их использования существует здесь начиная с примерно 2000 л. н. (древнеберингоморская культура). Наиболее выразительным и относительно ранним следом является стоянка Чертов Овраг на о. Врангеля, ее возраст составляет около 3200 л. н. (Питулько, Павлова 2010); имеются некоторые

признаки знакомства с морским промыслом в материалах Усть-Белой (Диков 1979), того же примерно времени, а также в охотской культуре (Лебединцев 1990). В целом, все эти материалы имеют возраст не древнее 5000–4000 л. н. Желание найти следы ранней морской адаптации в памятниках Северо-Востока Азии время от времени приводит к упоминанию в этом контексте (Орехов 1998) материалов Жоховской стоянки (Питулько 1998). Как мне уже доводилось объяснять (Питулько 2001), это никак невозможно, поскольку основу существования ее обитателей составлял промысел наземных млекопитающих — северного оленя и белого медведя. Последний, вопреки широко распространенному заблуждению, является крупнейшим наземным хищником (Вайсфельд, Честин 1993).

В районе Японских о-вов морская адаптация, действительно, появляется довольно рано, и связана с развитием культуры дземон, первоначально в варианте дземон-микосиба. А. В. Табарев приводит для нее возраст 13 800–12 500 л. н. Весьма интересен в этом смысле вопрос о ее происхождении, поскольку имеется как автохтонная гипотеза, так и миграционная (Habu 2004; Norton et al. 2010). Разбирать мы его не будем, тем более что А. В. Табарев об этих разногласиях не упоминает (но обращает внимание на идею о привнесении на Амур осиповской культуры, не имеющей местных корней), а обратимся к данным, представленным Нортонем с соавторами (Norton et al. 2010).

В этой работе приведена великолепная сводка по истории ряда видов фауны наземных млекопитающих, в том числе мегафауны, существенных для человека в плане базы пищевых ресурсов. Схема выстраивается следующая (Norton et al. 2010: Table 1–3): появление человека на Японских о-вах в начале MIS-3 (около 59 000 л. н.) приводит к сокращению присутствия мегафауны, в эпоху последнего ледникового максимума она исчезает, но после 18 000 л. н. сохраняется большое количество видов крупных млекопитающих, прежде всего разнообразные олени и дикие свиньи. На рубеже плейстоцена и голоцена представлены только кабан, японский олень, японский козерог (горал). В это же время начинается активное освоение морских ресурсов носителями культуры дземон. Это — адаптация в чистом виде, которая появляется лишь тогда, когда в ней возникает необходимость. Идентичный сценарий имел место на рубеже голоцена на северо-западном побережье Северной Америки (см. выше), а также и в иных регионах северного полушария, например, на Балтике и в Скандинавии.

В зоне Берингийского моста суши предпосылок для перехода к морской или хотя бы приморской адаптации не было, поскольку это был богатейший в плане наземных ресурсов участок, населенный многочисленными видами плейстоценовых зверей, включая северного оленя, бизона, лошадь, мамонта. Мотивация для освоения морских ресурсов здесь полностью отсутствовала. После начала океанической трансгрессии, около 15 000 л. н., метод противостояния неблагоприятному сценарию развития событий был, надо полагать, простейший — исход, вслед за перераспределением группировок промысловой фауны. Достаточно быстро меняющееся положение береговой линии, соответственно переменной батиметрия, течения и температура воды — все это должно было каким-то образом стабилизироваться, для того чтобы дать начало экосистеме морских ресурсов, которые стали бы объектом промысла

в вынужденной ситуации. До рубежа голоцена, когда окончательно прекратил свое существование берингийский мост суши, не было ни экосистемы, которую можно было бы освоить, ни причины это делать — процесс, известный нам как вымирание мегафауны, хотя и шел, но еще не совершился.

Приведенных фактов, на мой взгляд, вполне достаточно для того, чтобы расстаться с прибрежно-морской гипотезой заселения Нового Света. А. В. Табарев внес в нее, несомненно, свежую струю, добавив интересный обзор кладов из различных участков Северо-Тихоокеанского региона и прилежащих областей. Насколько ценным является это дополнение, судить трудно — обычай создавать клады и тайники является неотъемлемой частью человеческой природы, при этом мотивация может быть весьма различной. Клады оставляли после себя Эдвард Тич, Фрэнсис Дрейк и Стенька Разин, отличались этим люди и в более отдаленные времена, в том числе и в неолите, и в позднем верхнем палеолите... Клады различных эпох каменного века, рассеянные по просторам Сибири и Нового Света, говорят лишь о том, что людям по какой-то причине хотелось что-то припрятать. По этой причине они есть в Шестаково, в Тумулуре (возраст и, соответственно, культурная принадлежность которого недопустимо), в Анзик и Ричи-Робертс, и в неолите — например, Эльгыгытгынский клад на Чукотке, на одноименном озере (Окладников, Некрасов 1957). Я не вижу возможности делать на основании этих наблюдений какой бы то ни было культурно-исторический вывод, однако обзор А. В. Табареву действительно удался.

В заключение замечу, перефразируя А. В. Табареву (2011: 53), что, что бы ни говорили конструкторы трансокеанических (либо прибрежно-океанических) гипотез заселения Нового Света, а также их апологеты и адвокаты, степень научной обоснованности этих взглядов иллюзорна. В качестве обоснования первой привлекается фактически единственный факт конвергенции технологий получения тонких бифасов в Новом и Старом Свете, а факты, привлекаемые в отношении второй, просто не относятся к делу, поскольку среди них нет ни одного, который мог бы быть сопоставлен с этим процессом на основании данных о возрасте материалов.

В резюмирующей части своей статьи А. В. Табарев протягивает «пальмовую ветвь» сторонникам сразу всех гипотез о заселении Нового Света. Это весьма нетривиальный ход, однако. По-моему, на данный момент дискуссия о путях заселения Нового Света носит откровенно схоластический, антинаучный характер по той простой причине, что неправильно задан вопрос. Правильно спросить — это наполовину ответить. Так вот, в отношении Нового Света правильным является не вопрос «как», а «когда». Поскольку в отношении «когда» намечались определенные позитивные сдвиги (по крайней мере часть американских коллег, наконец, рассталась с идеей об изначальности кловиса), можно надеяться, что будут со временем получены и правильные ответы. Получаемые в настоящее время результаты (Waters et al. 2011; Lowery et al. 2010) вполне соответствуют моим ожиданиям. Чтобы это было совсем понятно, подчеркиваю, что признание факта доледникового заселения Нового Света (это абсолютно необходимый следующий шаг на пути решения проблемы) полностью решает в том числе и проблему морских путешествий путем ее простого отрицания как несостоятельной гипотезы, в пользу которой, как и ныне, невозможно привести ни фактов, ни логических обоснований.

Литература

- Березкин Ю. Е.* 2007. Мифы заселяют Америку (ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет). М.: О. Г. И.
- Вайсфельд М. А., Честин И. Е. (ред.)*. 1993. Медведи. Бурый медведь, белый медведь, гималайский медведь. М.: Наука.
- Верещагин Н. К.* 1972. О происхождении мамонтовых «кладбищ» // Природная обстановка и фауна прошлого 6, 131–148.
- Девидсон И.* 1997. Первые люди, ставшие австралийцами // Величко А. А., Соффер О. А. (ред.). Человек заселяет планету Земля. М.: Институт географии РАН, 226–246.
- Диков Н. Н.* 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука.
- Диков Н. Н.* 1993. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука.
- Лебединцев А. И.* 1990. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука.
- Келли Р. Л.* 1997. Добывание пищи охотниками-собираателями и колонизация Западного Полушария // Величко А. А., Соффер О. А. (ред.). Человек заселяет планету Земля. М.: Институт географии РАН, 211–225.
- Мочанов Ю. А.* 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.
- Окладников А. П., Некрасов И. А.* 1957. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгыгытгын) // СА 2, 114–129.
- Орехов А. А.* 1998. Приморская адаптация древнего человека Северной Пацифики // Гончаров В. И. (ред.). Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения. Т. 2. Магадан: Северовостокзолото, 177–178.
- Питулько В. В.* 1998. Жоховская стоянка. СПб.: Дм. Буланин.
- Питулько В. В.* 2001. Морские адаптации на северо-востоке Азии // Лебединцев А. И. (ред.). Диковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Магадан: СВКНИИ СВНЦ РАН, 64–70.
- Питулько В. В.* 2010а. Охотники верхнего палеолита: расселение и адаптации в условиях открытых пространств Севера Сибири // Головнев А. В. (ред.). III Северный Археологический Конгресс. Доклады. Екатеринбург и Ханты-Мансийск: Уральский Государственный университет, 6–26.
- Питулько В. В.* 2011а. Комментарий к статье А. В. Табарева «Атлантическая сага, или Последнее путешествие солютрейцев (некоторые аспекты дискуссии о маршрутах первоначального заселения Нового Света)» // PAE 1, 37–47.
- Питулько В. В.* 2011б. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН 6, 85–103.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* 2010. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука.
- Слободин С. Б.* 2011. Раннеголоценовые памятники Аляски // PAE 1, 111–147.
- Табарев А. В.* 2011. Атлантическая сага, или Последнее путешествие солютрейцев (некоторые аспекты дискуссии о маршрутах первоначального заселения Нового Света) // PAE 1, 7–30.
- Adovasio J. M., Pedler D. R.* 2004. Pre-Clovis Sites and Their Implications for Human occupation before the Last Glacial Maximum // Madsen D. M. (ed.). Entering America: Northeast Asia and Beringia Before the Last Glacial Maximum. Salt Lake City: University of Utah Press, 139–158.
- Arutiunov S. A., Sergeev D. A.* 1972. Ecological Interpretation of Ancient Harpoon Heads // Inter-Nord12, 305–309.

- Banks W. E., d'Errico F., Peterson A. T., Vanhaeren M., Kageyama M., Sepulchre P., Ramstein G., Jost A., Lunt D.* 2008. Human ecological niches and ranges during the LGM in Europe derived from an application of eco-cultural niche modeling // *JAS* 35: 481–491.
- Banks W. E., Zilhao J., d'Errico F., Kageyama M., Sima A., Ronchitelli A.* 2009. Investigating links between ecology and bifacial tool types in Western Europe during the Last Glacial Maximum // *JAS* 36, 2853–2867.
- Beck C., Jones G. T.* 2010. Clovis and Western Stemmed: population migration and meeting of two technologies in the Intermountain West // *AA* 75(1), 81–116.
- Bicho N., Haws J.* 2008. At the land's end: Marine resources and the importance of fluctuations in the coastline in the prehistoric hunter-gatherer economy of Portugal // *QSR* 27, 2166–2175.
- Bonatto S. L., Salzano F. M.* 1997. A single and early migration for the peopling of the Americas supported by mitochondrial DNA sequence data (Native Americansy Amerindian originsyhuman evolutionypopulation genetics) // *PNAS* 94, 1866–1871.
- Bradley B., Stanford D.* 2004. The North Atlantic ice-edge corridor: a possible Paleolithic route to the New World // *WA* 36 (4), 459–478.
- Carson R. L., Bona L. D. (eds.).* 1996. Early Human Occupation in British Columbia. Vancouver: University of British Columbia Press.
- Colonese A. C., Mannino M. A., Bar-Yosef-Mayer D. E., Fa D. A., Finlayson J. C., Lubell D., Stiner M. C.* 2011. Marine mollusc exploitation in Mediterranean prehistory: An overview // *QI* 239, 86–103.
- Debruyne R., Chu G., King C. E., Bos K., Kuch M., Schwarz C., Szpak P., Gröcke D. R., Matheus P., Zazula G., Guthrie D., Froese D., Buigues B., de Marliave C., Flemming C., Poinar D., Fisher D., Southon J., Tikhonov A. N., MacPhee R. D. E., Poinar H N.* 2008. Out of America: ancient DNA evidence for a New World origin of Late Quaternary woolly mammoths // *CB* 18, 1320–1326.
- Dillehay T. D.* 2009. Probing deeper into first American studies // *PNAS* 106, 971–978.
- Dixon J. E.* 1999. Bones, Boats, and Bison: Archaeology and the First Colonization of Western North America. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Erlandson J. M.* 2002. Anatomically modern humans, maritime voyaging, and the Pleistocene colonization of the Americas // Jablonsky N. G. (ed.). *The First Americans: the Colonization of the New World*. California Academy of Sciences, 59–92.
- Erlandson J. M.* 2011. Paleoindian seafaring, maritime technologies, and coastal foraging on California's Channel Islands // *Science* 331, 1181–1185.
- Erlandson J. M., Braje T. J.* 2011. From Asia to the Americas by boat? Paleogeography, paleoecology, and stemmed points of the northwest Pacific // *QI* 239, 28–37.
- Fladmark K. R.* 1979. Routes: alternate migration corridors for early man in North America // *AA* 44, 55–69.
- Gill J. L., Williams J. W., Jackson S. T., Lininger K. B., Robinson G. S.* 2009. Pleistocene megafaunal collapse, novel plant communities, and enhanced fire regimes in North America // *Science* 326, 1100–1103.
- Gilbert M. T. P., Jenkins D. L., Götherstrom A., Naveran N., Sanchez J J., Hofreiter M., Thomsen P. F., Binladen J., Higham T. F. G., Yohe II R. M., Parr R., Cummings L. S., Willerslev E.* DNA from Pre-Clovis human coprolites in Oregon, North America // *Science* 320, 786–789.
- Glascock M. D., Kuzmin Ya. V., Grebennikov A. V., Popov V. K., Medvedev V. E., Shewkomude I. V., Zaitsev N. N.* 2011. Obsidian provenance for prehistoric complexes in the Amur River basin (Russian Far East) // *JAS* 38, 1832–1841.

- Goebel T., Waters M. R., Dikova M. 2003. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene peopling of the Americas // *Science* 301, 501–505.
- Goebel T., Waters M. R., O'Rourke D. H. 2008. The Late Pleistocene dispersal of modern humans in the Americas // *Science* 319, 1497–1502.
- Grønnow B., Jensen J. F. 2003. The Northernmost Ruins of the Globe. Eigil Knuth's Archaeological Investigations in Peary Land and Adjacent Areas of High Arctic Greenland. Copenhagen: National Museum of Denmark.
- Gutiérrez-Zugasti I. 2011. Coastal resource intensification across the Pleistocene-Holocene transition in Northern Spain: Evidence from shell size and age distributions of marine gastropods // *QI* 244: 54–66.
- Habu J. 2004. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haile J., Froes D. G., MacPhee R. D. E., Roberts R. G., Arnold L. J., Reyes A. V., Rasmussen M., Nielsen R., Brook B. F., Robinson S., Demuro M., Gilbert M. T. P., Munch K., Austing J. J., Cooper A., Barnes I., Möller P., Willerslev E. 2009. Ancient DNA reveals late survival of mammoth and horse in interior Alaska // *PNAS* 106, 22352–22357.
- Hubbe M., Neves W. A., Harvati K. 2010. Testing evolutionary and dispersion scenarios for the settlement of the New World // *PLoS ONE* 5(6), e11105, doi:10.1371/journal.pone.0011105.
- Lowery L. D., O'Neal M. A., Wah J. S., Wagner D. P., Stanford D. J. 2010. Late Pleistocene upland stratigraphy of the western Delmarva Peninsula, USA // *QSR* 29, 1472–1480.
- Kuzmin Ya. V. 2010. Crossing mountains, rivers, and straits: a review of the current evidence for prehistoric obsidian exchange in Northeast Asia // Kuzmin Ya. V., Glascock M. D. (eds.). *Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Exploitation in the North Pacific Rim*. Oxford: Archaeopress, 137–153.
- Kuzmin Ya. V., Glascock M. D. 2007. Two islands in the ocean: prehistoric obsidian exchange between Sakhalin and Hokkaido, Northeast Asia // *Journal of Island and Coastal Archaeology* 2, 99–120.
- Kuzmin Ya. V., Speakman R. J., Glascock M. D., Popov V. K., Grebennikov A. V., Dikova M. A., Ptashinsky A. V. 2008. Obsidian use at the Ushki Lake complex, Kamchatka Peninsula (Northeastern Siberia): implications for terminal Pleistocene and early Holocene human migrations in Beringia // *JAS* 35, 2179–2187.
- Mannino M. A., Di Salvo R., Schimmenti V., Di Patti C., Incarbona A., Sineo L., Richards M. P. 2011. Upper Palaeolithic hunter-gatherer subsistence in Mediterranean coastal environments: an isotopic study of the diets of the earliest directly-dated humans from Sicily // *JAS* 38, 3094–3100.
- Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. 2011. Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *QSR* 30(17–18), 2309–2328.
- Norton C. J., Kondo Y., Ono A., Zhang Y., Diab M. C. 2010. The nature of megafaunal extinctions during the MIS 3–2 transition in Japan // *QI* 211, 113–122.
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. 2012. The Extinction of the woolly mammoth and the archaeological record in Northeastern Asia // *WA* 44, 21–42.
- Powers W. R. 1996. Siberia in the late glacial and early postglacial // Straus L. G., Eriksen B. V., Erlandson J. M., Yesner D. R. (eds.). *Humans at the End of the Ice Age: The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition*. New York: Plenum Press, 229–242.

- Schurr T. G.* 2004. Molecular genetic diversity in Siberians and native Americans suggests an early colonization of the New World // Madsen D. M. (ed.). *Entering America: Northeast Asia and Beringia Before the Last Glacial Maximum*. Salt Lake City: University of Utah Press, 187–238.
- Trueman C. N. G., Field J. H., Dortch J., Charles B., Wroe S.* 2005. Prolonged coexistence of humans and megafauna in Pleistocene Australia // *PNAS* 102, 8381–8385.
- Torroni A., Schurr T. G., Yang C. C., Szathmary E. J. E., Williams R. C., Schanfield M. S., Troup G. A., Knowler W. C., Lawrence D. N., Weiss K. M., Wallace D. C.* 1992. Native American mitochondrial DNA analysis indicates that the Amerind and the Nadene populations were founded by two independent migrations // *Genetics* 130, 153–162.
- Veltre D. W., Yesner D. R., Crossen K. J., Graham R. W., Coltrain J. B.* 2008. Patterns of faunal extinction and paleoclimatic change from mid-Holocene mammoth and polar bear remains, Pribilof Islands, Alaska // *QR* 70, 40–50.
- Waters M. R., Stafford Jr. T. W.* 2007. Redefining the age of Clovis: implications for the peopling of the Americas // *Science* 512, 1122–1126.
- Waters M. R., Forman S. L., Jennings T. A., Nordt L. C., Driese S. G., Feinberg J. M., Keene J. L., Halligan J., Lindquist A., Pierson J., Hallmark C. T., Collins M. B., Wiederhold J. E.* 2011. The Buttermilk Creek complex and the origins of Clovis at the Debra L. Friedkin site, Texas // *Science* 331, 1599–1603.
- Woodman N., Athfield N. B.* 2009. Post-Clovis survival of American mastodon in the southern Great Lakes region of North America // *QR* 72, 359–363.

Березкин Ю. Е.

«Дальневосточная альтернатива» А. В. Табарева, построенная на материалах археологии, целиком соответствует выводам, которые получены путем анализа фольклорно-мифологических текстов.

Еще в 1993 г., когда я впервые подверг статистической обработке материалы по традициям индейцев Америки, стало ясно, что в Новом Свете представлены сильно различающиеся комплексы мотивов. Через шесть-семь лет не осталось сомнений, что один из них связан с континентальной Сибирью, а другой — с индо-тихоокеанской окраиной Азии и что первый представлен главным образом в Северной Америке, а второй — почти повсюду, а наиболее ярко — в Южной Америке к востоку от Анд. По мере пополнения базы данных (сейчас она содержит более 45 тыс. резюме текстов от Южной Африки до Огненной Земли, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, карты на сайте <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>) и повышения ее разрешающей способности (более 800 отдельных традиций, которые чаще всего соответствуют небольшим этно-языковым группам) исчезали последние сомнения в том, что большинство индейских традиций близки традициям Восточной и Юго-Восточной Азии. Речь идет, естественно, не о детальном сходстве конкретных текстов, а об идентичности лежащих в их основе сюжетобразующих